

былъ любимъ и оплакиваемъ рабочими классами здѣшняго народа.—По дѣламъ ихъ узнаете ихъ“.

Вотъ эпитафія, которую Губертъ лордъ Лашмеръ велѣлъ вырѣзать на плитѣ демагога.

Викторіанъ долго стоялъ у могилы Больдвуда, устремивъ въ нее неподвижно глаза, точно на него нашелъ столбнякъ. Вдругъ шумъ шаговъ вывелъ его изъ этого состоянія.

Онъ оглянулся и увидѣлъ высокую, стройную дѣвическую фигуру въ черномъ платьѣ, которую такъ часто встрѣчалъ въ коридорахъ Лашмера.

Онъ искалъ ее среди мертвыхъ и нашелъ живою и такою же прекрасной, какъ и тогда, когда она въ послѣдній разъ глядѣла на него горделиво и гнѣвно.

Она сухо поклонилась ему, слегка вздрогнувъ, но тотчасъ же овладѣвъ собой съ удивительнымъ самообладаніемъ и прошла бы мимо, еслибы онъ не остановилъ ее.

— Стелла!—сказалъ онъ, протягивая руку.

— Лордъ Лашмеръ?—вопросительно отвѣтила она, не беря протянутой руки.

— Стелла, простите меня! Я искалъ васъ съ той самой ночи. Я ничего такъ въ мірѣ не желаю, какъ того, чтобы вы простили меня. Неужели вы не простите меня? Неужели не подадите мнѣ руки? у могилы вашего отца?

Просьба была неотразима. Она подала ему руку, не говоря ни слова. Впервые руки ихъ встрѣтились. Онъ крѣпко сжалъ маленькую ручку и привлекъ къ себѣ Стеллу, которая сопротивлялась, глядя на него испуганными глазами, не то гнѣвными, не то удивленными.

Они были одни среди могилъ, въ царствѣ мертвыхъ. Никого не было по близости ни видно, ни слышно.

— Стелла, я могу сказать только одно въ извиненіе моей грубости: я обезумѣлъ отъ ревности. Я старался не любить васъ, и люблю болѣе страстно, чѣмъ воображалъ, что могу полюбить женщину, будь она принцесса. Вся моя сословная гордость, вся моя алчность къ деньгамъ разсѣялись по вѣтру. Я люблю васъ, Стелла, и живу только затѣмъ, чтобы любить васъ. Скажите, дорогая, простили ли вы меня?

У нея голова закружилась отъ такой неожиданности, и она упала бы, еслибы онъ не поддержалъ ее.

— Милая, скажи, любишь ли, простила ли меня?

Ея блѣдныя губы шевельнулись, но не произнесли ни звука. Прошло нѣсколько секундъ въ молчаніи; наконецъ, тяжелая